

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

CORNER- STONE

Archeology, history, arts and culture
of Russia and its neighbours

VOLUME II

*Dedicated
to Anatolij Nikolaevich Kirpichnikov's
80th birthday anniversary*

РУССКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

ТОМ II

*80-летию со дня рождения
Анатолия Николаевича Кирпичникова
посвящается*

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПОСЕЛЕНИЙ ОКРУГИ КРУПНЫХ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕЙ ВОЛГИ¹

УДК 902
ББК 63.4(2)
К78

Ответственные редакторы:
Е. Н. Носов, С. В. Белецкий

Редколлегия:

Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский, А. Е. Мусин,
А. И. Сакса, Н. В. Хвощинская

Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. — М.: Ломоносовъ, 2010. — 552 с. : ил. — 1000 экз.

ISBN 978-5-91678-061-1 (т. 2)

Сборник научных статей «Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 80-летию заведующего Отделом славяно-финской археологии института, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кириичникова. В сборнике представлены статьи, подготовленные ведущими историками и археологами из России, Беларуси, Германии, Латвии, Молдовы, Норвегии, Польши, Украины, Франции и Швеции. В большинстве этих статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, рисунками и картами.

Сборник рассчитан на историков, археологов, филологов, а также на широкий круг чита:елей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

УДК 902
ББК 63.4(2)

2010061772

ISBN 978-5-91678-061-1 (т. 2)
ISBN 978-5-91678-062-8

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

К историческим особенностям золотоордынского города Нижнего Поволжья следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений в городах, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи, интенсивно строившей города во второй половине XIII — первой половине XIV в.² Кроме того, к золотоордынским городам неприменимы некоторые «типовые» критерии определения городского характера памятника, например наличие фортификационных сооружений: многие города Улуса Джучи, даже очень крупные, не имели фортификаций вплоть до междоусобицы 60–70-х гг. XIV в. Ввиду этого к археологическим остаткам городов мы относим крупные по

площади (а следовательно, и по количеству жителей) поселения, имеющие зафиксированные следы ремесленных производств и монументальной архитектуры (рис. 1).

В попытке реконструировать социальный облик рассмотренных нами (Недашковский 2000: 113–130; 2003; 2006а; 2006б; 2006в; 2007а; 2007б; 2008; Nedashkovsky 2004: 64–79) поселенческих памятников Нижнего Поволжья мы будем опираться на археологические особенности древнерусских городов, систематизированные А. В. Кузой (Куза 1985: 46; 1989: 51). Правда, А. В. Куза типологизировал по предложенным им критериям практически только укрепленные памятники, а большинство золотоордынских поселений укрепленных не имели³. Тем не менее применение предложенных им рубрик и подрубри-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf № AZ 19/SR/08.

² В середине XIII в. в среде монгольской аристократии определились два подхода к организации владения над покоренными землями. Первая группа знати стремилась сохранять кочевой образ жизни, периодически грабя оседлое население. Вторая группа планировала превратить оседлые земли в объект систематического налогообложения (Федоров-Давыдов 1973: 29; 1994: 9). Именно второй группе аристократии, властвовавшей в Улусе Джучи, несомненно, принадлежала инициатива организации многочисленных городских поселений в Нижнем Поволжье, в местах кочевья канской

ставки. Города были необходимы золотоордынской знати как крупные центры ремесла и торговли, т. е. — как источник предметов роскоши и многочисленных ремесленных изделий, обслуживавших потребности военного дела и повседневного быта.

³ Из рассмотренных нами памятников лишь Увекское, Царевское, Водянское, Селитренное и Чертово (?) городища обладали искусственными укреплениями, сооруженными в золотоордынской время (вероятно, не ранее 60-х гг. XIV в.). Таким образом, фортификационные сооружения имелись на трех из четырех крупнейших поселений Нижней Волги и на двух из 14 крупных поселенческих памятников региона.

Рис. 1. Схема расположения крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги

представляется нам полностью оправданным, поскольку археологические признаки золотоордынского города вполне соотносимы с археологическими признаками древнерусских городов.

Город в Золотой Орде обладал множеством функций: он был центром развитого ремесла и торговли, обладал собственным сельским хозяйством и промыслами, был связан с относительно большой областью (а не только близлежащей округой), управлялся специальными чиновниками (правителями областей и городов, имевшими развитый аппарат управления), был средоточием

религиозной и культурной жизни. В городе жили представители аристократии и различных других социальных слоев, площадь золотоордынских городов была весьма значительной, присутствуют в городах Золотой Орды предметы вооружения и иногда даже укрепления (хотя городское население государства Джучидов было слабо связано с военным делом). В рассмотренных нами материалах городов и их некрополей имеются находки наконечников копий (рис. 2, 5–7), дротика и стрел (рис. 3, 2–6), сабель, палаша, меча с остатками ножен, булав (рис. 2, 1), кистеня (рис. 2, 3), боевых (рис. 2, 9) и универсальных топоров, кинжалов (рис. 2, 4), ножей, детали шлема, колчанов, в том числе украшенных костяными орнаментированными обкладками (рис. 4–5), лука и костяных накладок на лук, керамических бомб, каменного ядра (Казаков 1989; Казаков, Пигарев 1998: 75, 77; Котеньков 1990; Неслашковский 2000: 67–81, рис. 12–14, 17, 2–3, 9–10, 18; Плахов 1984; 1988; Федоров-Давыдов 1966: приложение, № 991; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974: 96, 114, табл. I, I; Nedashkovsky 2004: 36–40, 189–190, 210–212, 215–217, fig. 8–9, 41–43, 46, 2–3, 9–14, 47–48).

Археологические особенности золотоордынских памятников Нижнего Поволжья систематизируем по следующим разделам⁴.

⁴ За основу взята типология, предложенная в наиболее поздней, по времени написания, работе А. В. Кузы (Куза 1985: 46). Нами внесены следующие изменения в состав «городских» признаков, предложенных А. В. Кузой для древнерусских городов: в разделе «экономика» в пункт 3 «промыслы» добавлены земледелие и скотоводство, которые А. В. Куза также рассматривал в рамках этой подгруппы, раздел «административное управление (печати и пломбы)» был снят нами вовсе в связи с полным отсутствием на золотоордынских па-

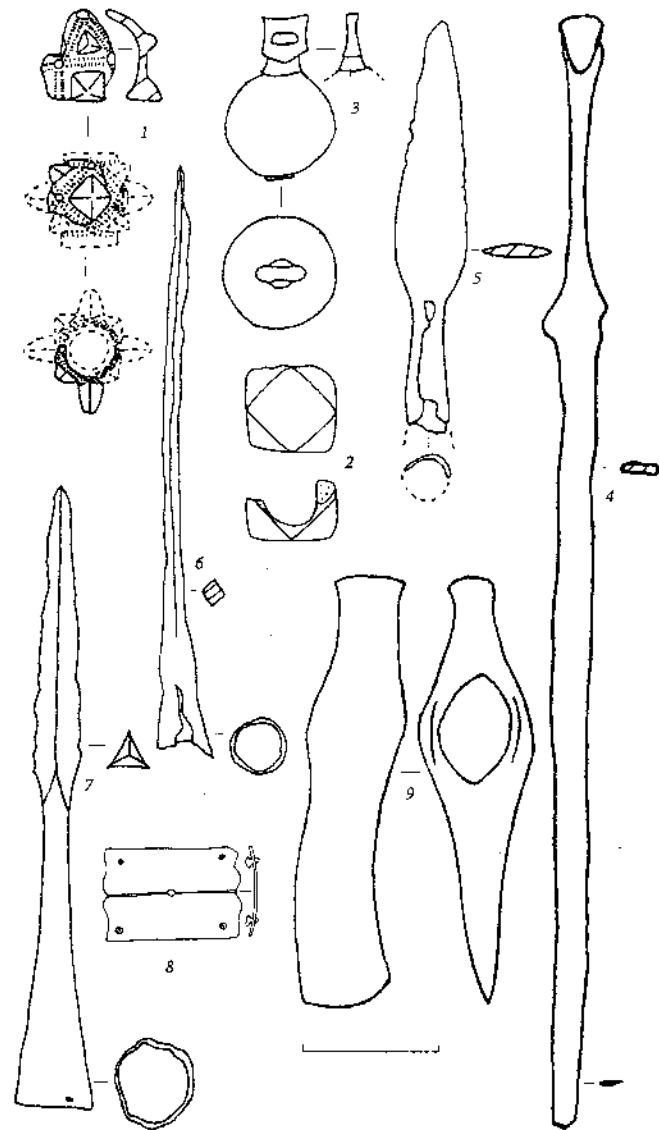

Рис. 2. Бронзовые булавы (1–2), железные кистень (3), кинжал (4), наконечники копий (5–7), панцирная пластина (8) и боевой топор (9): 1, 3–7, 9 — Увекское городище; 2 — селище Широкий Буерак; 8 — селище Подгорное

I. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полубраковки), 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки), 3) земледелие, скотоводство, промыслы.

II. Военное дело: 1) оружие, 2) доспехи, 3) снаряжение коня и всадника.

III. Монуументальное зодчество: 1) мечети, минареты, мавзолеи, 2) дворцы, дома, бани.

IV. Письменность: 1) памятники эпиграфики, 2) орудия письма.

V. Быт знати: 1) украшения из драгоценных металлов, 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорожная утварь.

VI. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка, 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.

Предваряя анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов (табл. I), следует отметить, что в целом золотоордынские поселения являются менее изученными, чем древнерусские. Кроме того, различные типы золотоордынских поселенческих памятников исследованы раскопками крайне неравномерно. Так, раскопкам подвергались все крупнейшие и подавляющее большинство (10 из 14 выявленных) крупных поселений Нижнего Поволжья. В то же время из средних (площадью 1-7 га) и мелких (площадью менее 1 га) поселений раскапывались не более 25% памятников каждой группы.

мятников свинцовых актов печатей и plomb административного характера, в разделе «монументальное зодчество» подрубрика «каменные храмы» заменена на мусульманские культовые сооружения («мечети, минареты, мавзолеи»), а подрубрика «каменные дворцовые и оборонитель-

Собранные нами суммарные данные позволяют сделать ряд существенных выводов.

Все разделы таблицы «городских» археологических признаков оказались заполненными только для крупнейших по площади памятников, которые мы считаем остатками крупных золотоордынских городов. На всех этих памятниках отмечены жилые постройки различного уровня достатка социальных слоев, зафиксированы следы разнообразных ремесленных производств, свидетельства оживленных разнонаправленных торговых связей и существования развитых сельского хозяйства и промыслов. Прочие показатели отмечены не менее чем на половине крупнейших по площади поселений.

Близкая картина наблюдается и для крупных (более 10 га) по площади памятников, которые, по нашему мнению, являлись малыми городами. На исследованных раскопках поселений зафиксированы остатки различных ремесленных мастерских (гончарных, железоделательных, бронзолитейных), найдены свидетельства развитых торговых (в том числе и внешне-торговых) связей, в большинстве случаев отмечены свидетельства существования земледелия и промыслов. Из всех параметров в материалах памятников этой группы отсутствуют лишь находки доспехов, что не должно удивлять, учитывая, что золотоордынская армия комплектовалась практически исклю-

чис сооружения» заменена на гражданскую монументальную архитектуру («дворцы, дома, бани»), в разделе «письменность» опущен пункт «книжные заставки и накладки», так как такие изделия на рассмотренных в работе памятниках не встречены.

чительно из кочевников. Менее половины раскапывавшихся поселений этой группы характеризуются находками эпиграфических памятников и орудий письма (предметы, связанные с письменностью, вообще крайне редко встречаются в золотоордынских комплексах), имеют зафиксированные остатки мусульманской культовой архитектуры и определяемый характер застройки (последние два обстоятель-

ства легко объясняются крайне слабой изученностью этой группы памятников большими площадями). Таким образом, принципиальных качественных отличий в археологических характеристиках крупных по площади памятников Нижнего Поволжья и крупнейших городищ региона (Увекское, Царевское, Селитренное и Шарегий Бугор) не наблюдается. Данный факт позволяет уверенно относить крупные по площа-

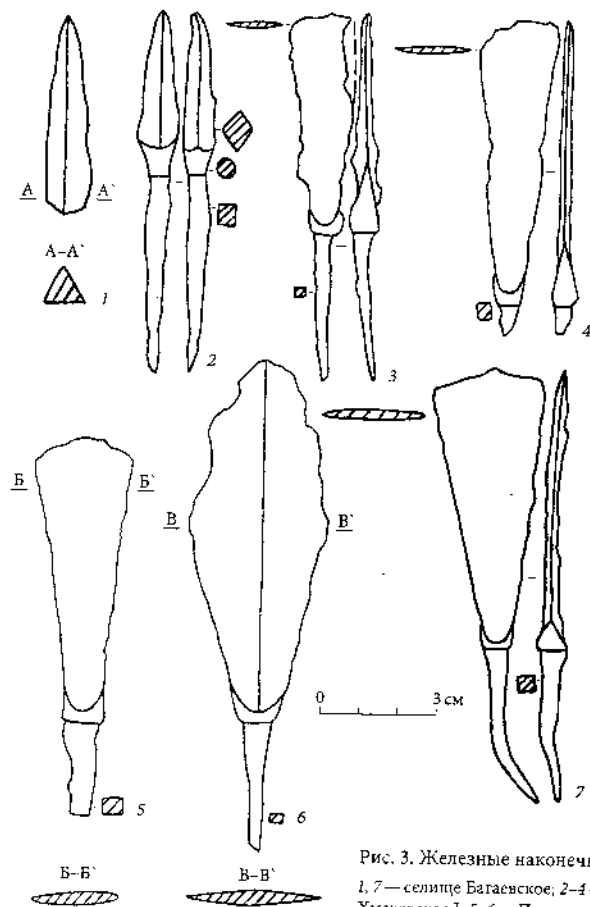

Рис. 3. Железные наконечники стрел: 1, 7 — селище Багаевское; 2-4 — селище Хмельское I; 5-6 — Подstepное

Рис. 4. Костяная орнаментированная обкладка колчана. Сидоры, к. 14, п. 1 (по: Золотая Орда 2005: 52, № 39)

Рис. 5. Монгольские воины с колчанами, украшенными орнаментированными обкладками (с иранской миниатюры «Завоевание Багдада», 1300–1330 гг.; по: The Legacy 2002: 36, fig. 33)

ди золотоордынские поселения к остаткам малых городов, отличающихся от меньших по размеру селищ не только по площади, но и закономерностями социального порядка.

Для средних (1–7 га) по площади памятников следует отметить единичность монументальных архитектурных сооружений (мавзолей у Бахтияровского селища и развалины кирпичных зданий на поселении Квасниковка), отсутствие социальной дифференциации выявленных жилищ, а также находок, связанных с письменностью; застройка территории огороженными дворами-усадебями на таких памятниках не фиксируется. Менее чем на половине от числа раскапывавшихся поселений найдены детали доспехов (рис. 2, 8)⁵ и украшения из драгоценных металлов. В числе ремесел на памятниках этой группы достоверно фиксируются лишь обработка железа и примитивные формы обработки цветных металлов. Торговые связи достаточно хорошо прослеживаются по находкам монет и импортных изделий. Число поселений с доказанным существованием собственных земледелия и промыслов превышает даже количество раскапывавшихся памятников этой группы. Такие поселения можно уверенно атрибутировать как сельские.

Наконец, малые по площади (менее 1 га) памятники характеризуются еще меньшим числом представленных признаков. Ремесло представлено исключительно обработкой железа (горн в урочище Мартышкино). На двух поселениях обнаружены свидетельства су-

ществования земледелия и керамические рыболовные грузила. На мелких по площади памятниках из свидетельства наличия торговых отмечены только находки золотоордынских монет, в одном случае в погребении (Чардымский могильник) были найдены остатки привозной шелковой материи; очевидна ориентация этой группы поселений на внутреннюю торговлю. Помимо зафиксированных данных об экономической деятельности населения этих памятников имеются лишь сведения о находках предметов вооружения и конского снаряжения, а также металлических сосудов (которые в Золотой Орде, безусловно, были в обиходе не только у представителей знати), причем все эти группы изделий представлены менее чем на половине от числа раскапывавшихся поселений. Данная группа памятников может быть отнесена к остаткам деревень.

Целесообразно проследить изменение количества поселений разных типов на выделенных нами хронологических этапах (табл. 2). На наиболее раннем этапе (вторая половина XIII — начало XIV в.) возникают памятники всех выделенных нами групп. В период расцвета Золотой Орды наблюдается увеличение числа поселений всех видов. В последующем, до правления Токтамыша (1380–1395) включительно, остается неизменным лишь число существующих крупных городов, количество же памятников остальных типов начинает убывать уже в первые годы междоусобных войн (1359–1365 гг.). В разгар междоусобицы (1365–1380 гг.) малые города и села приходят в еще больший упадок, а самые малые по площади (менее 1 га) поселения начиная с этого времени,

⁵ Предметы вооружения (рис. 2, 2, 3, 1, 7) на средних по площади памятниках встречаются чаще.

Таблица 1. Сводная археологическая характеристика поселений округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (учтены и материалы близлежащих могильников)

Площадь	Количество памятников (всего/раскопанных)	I		II			III		IV		V		VI		
		1	2	3	1	2	3	1	2	1	2	1	2	1	2
более 205–3385 га	4/4	4	4	4	3	2	3	2	3	2	2	3	3	3	4
10–100 га	14/10	10	13	6	7	–	6	4	7	2	1	8	7	2	8
1–7 га	21/5	6	9	7	4	2	3	1	1	–	–	2	3	–	–
менее 1 га	24/6	3	6	2	2	–	1	–	–	–	–	–	2	–	–

Таблица 2. Хронология различных групп поселений округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья

Площадь	Количество памятников (всего/датированных монетами)	Хронологические этапы						
		1266–1310 гг.	1310–1365 гг.	1365–1380 гг.	1380–1395 гг.	1395–1420 гг.	1420–1459 гг.	
более 205–3385 га	4/4	3	4	4	4	4	2	1
10–100 га	14/13	6	13	10	8	10	4	1
1–7 га	21/8	4	7	6	1	2	–	–
менее 1 га	24/6	1	5	2	–	–	–	–

вероятно, исчезают вовсе. В правление Токтамыша количество малых городов и сельских поселений несколько увеличивается, хотя их число не превышает данных для эпохи начала междоусоб-

ных столкновений. В конце XIV — середине XV в. наблюдается постепенное уменьшение количества крупных и малых городов; сельские поселения в эту эпоху уже не зафиксированы вовсе.

Литература

Золотая Орда 2005 — Золотая Орда. История и культура. СПб. 2005.

Казаков 1989 — Казаков П. В. Отчет об археологических исследованиях в райцентре Красный Яр Астраханской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 14994–14995.

Казаков, Пигарев 1998 — Казаков П. В., Пигарев Е. М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–90 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола. 1998.

Котеньков 1990 — Котеньков С. А. Отчет об научно-исследовательских археологических работах на грунтовым могильнике бугор «Маячный-1» Красноярского района Астраханской области в 1990 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 17564–17565.

Куза 1985 — Куза А. В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М. 1985.

Куза 1989 — Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. 1989.

Недашковский 2000 — Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М. 2000.

Недашковский 2003 — Недашковский Л. Ф. Работы на золотоордынских памятниках Саратовского района // АО. 2002. М. 2003.

Недашковский 2006а — Недашковский Л. Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. № 4. 2006.

Недашковский 2006б — Недашковский Л. Ф. Раскопки Багаевского селища в 2003 г. // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Саратов. 2006.

Недашковский 2006в — Недашковский Л. Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // РА. № 3. 2006.

Недашковский 2007а — Недашковский Л. Ф. История изучения городища Шареный Бугор и памятников его округа // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград. 2007.

Недашковский 2007б — Недашковский Л. Ф. Царевское городище и поселения его периферии // Средневековая археология евразийских степей. Т. 1. Казань. 2007.

Недашковский 2008 — Недашковский Л. Ф. Взаимодействие золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их округой // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М. 2008.

Плахов 1984 — Плахов В. В. Отчет по раскопкам усадьбы XIV века на городище Хаджи-Тархан в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 11416–11416а.

Плахов 1988 — Плахов В. В. Отчет о раскопках могильника у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 14329–14330.

Федоров-Давыдов 1966 — Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках. Дис.... докт. истор. наук. М. 1966.

Федоров-Давыдов 1973 — Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973.

Федоров-Давыдов 1994 — Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М. 1994.

Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974 — Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М. 1974.

Nedashkovsky 2004 — Nedashkovsky I. F. Ukek. The Golden Horde city and its periphery // BAR. International Series. 1222. Oxford. 2004.

The Legacy 2002 — The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York. 2002.

SOCIAL STRUCTURE OF SETTLEMENTS ON THE PERIPHERIES OF GOLDEN HORDE TOWNS ON THE LOWER VOLGA RIVER

L. F. Nedashkovskiy

This article discusses the reconstruction of the social structure of settlements situated on the peripheries of large Golden Horde cities (Fig. 1) in the Lower Volga region. For that purpose, a summarized archaeological description of sites of different size is presented (Table 1). It is shown that the numbers of settlements of different types were changing throughout the chronological periods distinguished out by the author (Table 2). On the basis of Andrey V. Kuza's researches of Old Russian towns, archaeological features of the Golden Horde settlements on the Lower Volga have been systematized according to the categories as follows. A. Economy: 1) handicrafts (manufacturing complexes, tools, semi-manufactures); 2) trade (imported goods, parts of weighing scales, coins and monetary ingots); 3) agriculture, stockbreeding, fishing and hunting. B. Military culture: 1) weapons (Fig. 2s, 1–7, 9, 3–4); 2) armour (Figs. 2, 8); 3) harness. C. Monumental architecture: 1) mosques, minarets, mausoleums; 2) palaces, houses, baths. D. Script: 1) epigraphic documents; 2) writing instruments. E. Life mode of the nobility: 1) gold and silver jewelry; 2) metal and glass vessels, expensive utensils. F. Internal layout: 1) homestead building, 2) differentiation of houses in location, size and layout.

Analysing the data available (Table 1) we are driven to the conclusion that the complete set of urban features is present only at the largest Golden Horde settlements which may be really attributed as cities. Similar picture is observed also for large (over 10 hectares) sites which could be attributed as towns. The medium-size (1 to 7 hectares) settlements are practically devoid of monumental architecture, differentiation of houses, developed crafts, homesteads or finds of objects related with writing. These rural settlements may be called villages. The smallest sites (under 1 hectare) possess the minimum quantity of the urban signs and can be identified as farms.

Т. В. Николаева

СВЕДЕНИЯ О ДАТСКОМ ВОЕННОМ КОНТИНГЕНТЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ НА РУБЕЖЕ XI–XII ВВ.

В скандинавских источниках нередко встречаются общие выражения, обозначающие путешественников на Восток, на Балтику, на Русь, в Грецию. Эти размытые словосочетания указывают, насколько обычными для скандинавов были поездки в восточном и юго-восточном направлении.

Один из первых маршрутов скандинавов в восточном направлении шел через Балтику к Волге и далее по этой реке в сторону Каспия. Затем скандинавы ходили через Русь по Днепру, далее добираясь Черным морем до Константинополя. Такой поход скандинавов Восточным путем (*Austrvegr*) через Русь состоялся между 1099–1103 гг. Его возглавил датский король Эрик Добрый (1095–1103 гг.). Об этом предприятии упоминается в хронике *Анналисга Сак-*

сона (*Annalista Saxo*, 737), в «Деяниях» Вильгельма Мальмсберийского (*Willelmi*, 320), в «Краткой истории Дании» Свена Аггесена (*Brevis Historia*, 95–143) и подробно изложено Маркусом Скеггьясоном¹ в «Драпе об Эйрике» (*Eiríksdrápa*, *Knýtlinga saga*, 81), у Саксона Грамматика в «Деяниях данов» (*GD*, XII, 610–613), у Олава Тордарсона² в «Саге о Кнютлингах» (*Knýtlinga saga*, 81).

Маркус Скеггьясон (законоговоритель с 1084 по 1107 г.), один из наиболее выдающихся людей Исландии, был среди тех, кто ушел с датским королем в Византию. Драпа, или песнь, о деяниях датского короля была создана Маркусом между 1104 и 1107 г. Она имеет большую ценность как исторический источник, поскольку была написана участником событий³. Текст «Драпы об Эйрике» был

¹ Маркус Скеггьясон упомянут в *Skaldatal* (список, содержащий имена исландских поэтов, служивших королям Дании и Швеции в XI–XII вв.) как поэт Инги Стейкельссона, короля Швеции (+1086). В 1096 г. он помогал епископу Гицру составлять закон о церковной десятизне. Мало что известно о вошедших в *Skaldatal* поэтах. Однако по списку можно судить о том, что целый ряд исландских поэтов состоял на службе у датских и шведских правителей (*Turville-Petre* 1953: 152–154).

² Олав Тордарсон был поэтом и автором книги о риторике, главным образом основанной на латинских моделях. Олав принадлежал к литературной семье, по отцу приходился племянником Снорри Стурлусону. Он писал хвалебные стихи в честь ино-

земных королей. Согласно *Skaldatal* Олав писал поэмы для Вальдемара II (+1241). Между 1240–1241 гг. Олав жил при дворе короля Вальдемара II. Он был единственным исландским поэтом, о связях которого с датским двором известно в то время, когда сага могла быть написана. В «Саге о Кнютлингах» он частично включил свои поэмы о трех скандинавских королях, а также включил материал, представленный ему Вальдемаром II (*Knýtlinga saga*, 27).

³ Король Нильс (брат Эрика Доброго, короля Дании в 1106–1134 гг.) получил экземпляр драпы Маркуса Скеггьясона в дар для архиепископа Лунда Ассера (1104–1137 гг.) от первого исландского епископа Йона Огмундарсона, посвященного в сан (1106 г.) архиепископом Ассером.